

Потребовалось четыре года тщательной, утомительной подготовки. Несмотря на свое нетерпение, они знали, что должны сделать все правильно. Им было что терять.

Молодой черноволосый мужчина сидел рядом с рыжеволосой девушкой, которую он едва помнил, но к которой испытывал щемящую нежность, сам не зная почему. Интуитивно он знал, что они вместе с еще одним рыжеволосым парнем работали над чем-то отчаянно важным. Над чем-то, что поддерживало их, хотя они понятия не имели что это. Иногда над этим шутили. У него было ощущение, что раньше они шутили намного больше.

Вчера странное зелье кристаллизовалось. В котле остались три осколка чего-то похожего на полупрозрачное светящееся стекло. Черноволосый хотел прикоснуться к нему, хотя знал, что это последнее, что он должен делать. Это разрушит все. Но что, спрашивал он себя, было всем? Он знал, что найдет ответы в котле, но каждый раз, когда он думал о том, чтобы прикоснуться к нему, его сердце сжималось в груди. Рыжеволосый каждый день спрашивал его, знает ли он, почему к нему нельзя прикасаться, но черноволосый не мог вспомнить.

— Мы должны произнести заклинание, — сказала девушка. — Готово.

— Откуда вы знаете? — испуганно спросил черноволосый. — Что, если это не так?

— Это сказано здесь, в наших заметках, — ответила она. — Я написала это: «когда зелье кристаллизуется, пора использовать заклинание. НЕ ПРИКАСАЙТЕСЬ К НЕМУ».

— Хорошо, — сказал рыжеволосый. — Мы произнесем заклинание. По крайней мере, я помню заклинание. Больше ничего.

— Разве не это должно было случиться? — спросил черноволосый. Его расстроило то, что он не мог вспомнить имя этого человека. Он чувствовал, что должен это знать, но вся его голова казалась зияющей дырой.

— Да, мы тут все это написали, — сказал рыжеволосый. — Интересно, почему мы продолжали писать заметки самим себе.

— Не знаю, пойдем ли мы когда-нибудь.

— Мы должны это сказать, — твердо сказал черноволосый. — Прямо сейчас, пока мы еще что-нибудь не забыли.

Они взялись за руки. Рыжеволосая девушка начала длинное заклинание, которое звучало, как песня. Мужчины присоединились к ней. Они продолжали его произносить, даже когда погас свет и в комнате стало темно. Единственный источник света был от котла.

Черноволосый мужчина наблюдал, как осколки стекла поднимаются в воздух и прилипают к чему-то похожему на паутину из крошечных огоньков. Глазам было больно, поэтому он моргнул. В комнате то темнело, то светлело, ладонь женщины вспотела. Другой мужчина дрожал. Потом он услышал крик, от которого волосы на затылке встали дыбом. Он никогда не слышал ничего подобного. Казалось, это длилось вечно, а потом все потемнело. Странная мысль эхом пронеслась в его голове: всегда и вечно. Все еще сжимая руки остальных, он рухнул вперед в никуда.

***

Гарри Поттер открыл глаза и обнаружил себя в комнате, которую не видел больше десяти лет.

Вторая спальня Дадли выглядела точно так же, и Гарри ощутил странное головокружение. Он закрыл ладонями глаза и сел. Момент дезориентации прошел, и он громко расхохотался. Они сделали это! Он, Рон и Джинни действительно отправили свои воспоминания в прошлое.

Гарри с удивлением посмотрел на свои маленькие руки. Он поднялся, сорвал с себя одежду и встал голый перед зеркалом. Ему снова одиннадцать! Он смеялся до тех пор, пока слезы не потекли по его лицу.

Тетя Петунья выбрала этот момент, чтобы постучать в его дверь.

— Собирайся! И не заставляй нас опаздывать. Тебе повезло, что мы отвезем тебя в это... это место.

Ему было одиннадцать лет, и он снова в первый раз отправится в Хогвартс.

Все было так же. Тот же завтрак, те же заголовки в газете, которую дядя Вернон читал за столом, то же пустое выражение в глазах Дадли и крик, который он издал, когда увидел, что Гарри смотрит на него. Поездка на машине была такой же, и дядя Вернон выкрикивал те же самые слова, что и раньше.

Через мгновение Гарри уже стоял в одиночестве перед барьером на платформе 9 $\frac{3}{4}$. Он ждал, надеясь увидеть Уизли. Почувствовал некоторую тревогу. Усилия привели его именно туда, где он хотел быть, но у его жены и лучшего друга, возможно, могли возникнуть проблемы.

— ...набитый маглами, конечно, — услышал он голос миссис Уизли и обернулся. К нему приближалась его самая любимая семья в мире; они выглядели такими же изможденными, но это было такое прекрасное зрелище, что Гарри пришлось отвернуться, чтобы прийти в себя. Он собрался, стараясь выглядеть слегка растерянным, и надеялся, что его тревога не будет неверно истолкована.

Перси торжественно шагнул вперед и исчез за барьером. Близнецы, доставляющие матери хлопоты, поступили так же. Гарри смотрел, как они уходят, и надеялся, что в этот момент он не похож на маньяка. Казалось, он не мог удержаться от широкой улыбки и чувствовал, что его щеки вот-вот треснут.

— Извините, — сказал он немного дрожащим голосом. — Вы знаете, как пройти через барьер?

— Первый раз? — ласково спросила миссис Уизли. — Рон тоже первый. Она махнула рукой на своего сына, как будто Гарри не знал этого мальчика почти так же хорошо, как себя.

Рон улыбнулся, а когда его мать отвела взгляд, подмигнул Гарри. Гарри улыбнулся в ответ.

— Если волнуешься, лучше сделать это с разбегу, — сказала миссис Уизли. — Давай, ты первый.

Гарри прошел через барьер и сразу же отправился искать свободное купе в конце поезда. Его голова моталась взад-вперед; он видел столько людей, которых знал и потерял. Он увидел Ли Джордана, который был там со своим тарантулом. Он в шутку сунул его Анджелине Джонсон, и та закричала, а Кэти Белл вместе с пятикурсником, чье имя ускользнуло из памяти Гарри, смотрели на это и смеялись.

— Я снова потерял свою жабу, бабушка, — услышал он голос Невилла, который обращался к его грозной бабушке.

— О, Невилл, — вздохнула она. Гарри прикрыл рот рукой, чтобы скрыть улыбку.

Он все еще боролся со своим чемоданом и уже собирался левитировать его, когда подошел Джордж.

— Нужна помощь?

— Пожалуйста, — сказал Гарри.—

— Эй, Фред! Подойди и помоги, — позвал Джордж. Они подняли чемодан втроем. Когда Гарри остановился, чтобы вытереть лоб, Фред ахнул.

— Что это? — он показал на лоб Гарри, на котором был хорошо виден шрам в виде молнии.

— Вот это да! — Джордж увидел то же самое.

Они уставились на Гарри, разинув рты.

— Ты Гарри Поттер! — сказали хором.

— Э-э, да, это я, — ответил Гарри.

Они продолжали смотреть на него, но ушли, когда их позвала миссис Уизли. Гарри, чувствуя себя немного подавленным, бросился на сиденье, убедившись, что из окна ему хорошо видно семью Уизли. Он заметил Джинни, и она, должно быть, почувствовала его взгляд, потому что подняла на него глаза. Даже отсюда было видно, что она плачет. Он хотел спрыгнуть с поезда и обнять ее, но заставил себя не делать этого, глубоко вздохнув. Гарри очень хорошо помнил, что они решили. Они не могли сделать ничего подозрительного, пока не пришло время рассказать им обо всем.

— Рон весь день вел себя странно, — надменно сказал Перси своей матери. — Я думаю, что он нервничает из-за Хогвартса. Но не волнуйся, мама, я позабочусь о нем. Это мой долг как старосты.

— О, ты староста, Перс? — спросил Фред, сделав удивленный вид.

Гарри рассмеялся, когда близнецы начали подкалывать брата, и опустил голову, когда они упомянули о встрече с ним.

— Ты уверен, что это был он, Фред? — спросила миссис Уизли.

— Его шрам, — сказал Джордж. — Он действительно у него был, в виде молнии.

Рон нашел Гарри через несколько минут, когда поезд уже отходил от станции.

— Кто-нибудь здесь сидит? — лукаво спросил он.

Гарри рассмеялся:

— Нет, только я.

Его взгляд упал на Хвоста. Гарри обрадовался, что Рон не выполнил свою угрозу убить его как можно скорее. Хотя было приятно думать, что человек, предавший своих родителей Волан-де-Морту и в другой раз убивший Дафну Гринграсс и Дина Томаса, будет жить только до тех пор,

пока Сириус не освободится.

Какое-то время они с Роном лениво болтали. Гарри был впечатлен способностью Рона притворяться.

— У тебя большая семья, — заметил Гарри.

— Да, они все тоже учились в Хогвартсе, — ответил Рон. — Моей младшей сестре исполнится одиннадцать через год, так что в следующем году она тоже будет в Хогвартсе. Вообще-то, она проплакала из-за этого все утро. Говорит, что тоже хотела бы быть с нами. Но я бы сказал, что она рада, что мама и папа будут рядом еще один год.

Гарри посмотрел на него с благодарностью. Итак, Джинни плакала, но Гарри поставил сотню галлеонов, что она плакала по совершенно другим причинам.

— Это Короста, — Рон поднял дремлющую крысу. — Она раньше была крысой моего брата Перси. Джинни чуть не убила его сегодня, не так ли, Короста? Он спал — он всегда спит — и она случайно наступила на него, — его лицо помрачнело. — По крайней мере, я думаю, что это был несчастный случай. Она могла решить, что я останусь дома, если мой питомец пострадает.

Гарри еле сдержал смех.

— Бедняга Короста, — с издевкой сказал он.

Тележка с обедом пришла и укатилась. Гарри снова купил много закусок, хотя на этот раз Рон выбросил свои бутерброды в окно и съел столько шоколадных лягушек, как будто завтра никогда не наступит.

И он, и Рон болтали, осторожно — очень осторожно — чтобы не сказать ничего странного. Хотя Короста был крысой только до третьего курса, они не могли позволить Питеру Петтигрю, предателю друзей и убийце маглов, услышать что-либо подозрительное. Они очень хорошо знали, что шли по очень скользкой дорожке

Они также прекрасно понимали, что встретят старых друзей, которые понятия не имеют, кто они такие. Для них не стало неожиданностью (хотя у Гарри сжался желудок), когда Невилл Долгопупс, которого в последний раз они видели мертвым на плитах Хогвартса, открыл дверь и, просунув в купе голову, стесняясь, сказал:

— Кто-нибудь из вас не видел жабу? Я потерял свою.

К счастью, его глаза были опущены, потому что у Гарри в это время стоял огромный ком в горле, и по выражению глаз Рона он мог сказать, что тот думал о том же.

— Нет, — мягко сказал Гарри. — Извини.

— Тогда спасибо, — Невилл исчез.

Рон сделал несколько глубоких вдохов и взглянул на Хвоста. — Он напугал меня, выскочив вот так. Я даже не услышал, как открылась дверь.

— Я тоже, — подмигнул Гарри. — Интересно, кто наши одноклассники. Этот кажется достаточно милым.

Это почти не характеризовало Невилла. Он был бесстрашным, когда дело касалось защиты его

друзей. На этот раз его жизнь не закончится убийством; он не оставит Ханну вдовой менее, чем через год после их свадьбы. Он будет работать с растениями, родит кучу круглолицых младенцев и доживет до дряхлого старика, и Гарри никогда, никогда не придется смотреть, как он умирает.

Гарри закрыл глаза.

Он и Рон долго сидели молча; Гарри подозревал, что его лучший друг попал в то же болото тревожных воспоминаний, что и он сам. Рон вытащил палочку примерно через час и сделал пару неопределенных движений, снова и снова с надеждой поглядывая на дверь. Гарри знал, кого он ждет: Гермиону.

Она их не разочаровала. Невысокая, густоволосая, с крупными зубами девочка шла по вагону, а Невилл следовал за ней по пятам.

— Кто-нибудь из вас видел жабу? — спросила она властно, заглянув в купе к друзьям. — Невилл потерял.

На мгновение, всего на мгновение, Гарри снова увидел ее в огне. Он решительно отогнал эти воспоминания.

— Э-э, извините. Мы все еще ее не видели.

— О, ты произносишь заклинание? — спросила она с нетерпением. Она плюхнулась на сиденье напротив Рона, рядом с Гарри, и сосредоточила все свое внимание на палочке в руке Рона.

— Э-э, это не очень хорошее заклинание, — сказал Рон. Его рука немного дрожала. — Мои братья Фред и Джордж научили меня этому.

Гарри с удивлением наблюдал, как Рон, заикаясь, повторяет ту бесполезную песенку, которой близнецы научили его давным-давно, просто чтобы помучить. Охваченный вдохновением, он достал из кармана собственную палочку и бессловесно послал в коварную крысу Жалящее заклятие.

Эффект был немедленным. Хвост вскочил, поднял шерсть дыбом и с писком забегал по купе. Гермиона, которая была настроена скептически, как только услышала начало заклинания, смотрела, разинув рот.

— Этого не должно было случиться, — пробормотал Рон. — Он должен был стать желтым. Потребовалось несколько минут, пока все трое не поймали крысу. — Извини, Короста, — сказал он. Если бы Гарри не знал его хорошо, у него не было бы причин сомневаться в его искренности. Гермиона даже не выглядела подозрительной.

— Ну, это было не очень хорошее заклинание, не так ли? — высокомерно спросила она. — Я думаю, ты причинил бедняжке боль.

— Нет, — сказал Рон. — Смотрите, он уже снова заснул!

— Я Гермиона Грейнджер, — объявила она. — А вы?

— Рон Уизли.

— Гарри Поттер.

— Это действительно ты?! — Она села прямо и уставилась на него широко раскрытыми глазами. — Я читал о тебе все. Ты упоминаешься в «Величайших волшебных событиях XX века» и во множестве других книг. Избранный, победивший Того-Кого-Нельзя-Называть!

Какого черта ? Гарри чуть не упал со стула и обменялся испуганными взглядами с Роном.

— О, честно, разве ты не знаешь? — спросила Гермиона, задрав нос в воздухе. — На твоём месте я прочитала бы об этом все, что могла. Всем известно, что ты предсказанный победитель Сами-Знаете-Кого.

— О, ха-ха, — Рон, явно соображая очень быстро, издал слабый смешок. — Конечно, он знает. Все знают.

— Ага, — кивнул Гарри, пытаясь сделать вид, что это не было для него чем-то новым. — Ты просто застала меня врасплох, вот и все.

С каких это пор пророчество стало общеизвестным? Его внутренности скрутило от беспокойства. Что еще изменилось?

Гермиона фыркнула.

— Хорошо. — Она окинула Гарри оценивающим взглядом. — Не думаю, что вы знаете все пророчество, так ведь?

— Э...

— Все в порядке, — сказала она, но выглядела разочарованной. — Вероятно, ты бы не сказал мне, если бы знал. Это большой секрет.

Гермиона болтала, а мысли Гарри все кружились и кружились в его голове. Было необходимо, поговорить с Дамблдором. Сегодня вечером, если можно.

С этого момента вся поездка стала гораздо менее приятной, и не только потому, что появился Малфой, попытался подлизаться к Гарри и возражал против отказа. Хотя Драко Малфой оказался не таким засранцем, как все думали, это не значит, что он стал нравиться Гарри больше. Он по-прежнему был гнусным фанатиком, только уже не гнусным убийцей.

Рон и Гарри были подавленными, когда сошли с поезда и сели в лодки. Увидев Хагрида, напряжение немного уменьшилось, а возбуждение на лицах многих одноклассников Гарри, в том числе тех, кто умер так, что Гарри терзало чувство вины, опять встревожило. С тяжелым сердцем переплыл он озеро и побрел вверх по лестнице; и только когда профессор МакГонагалл, здравомыслящая и честная, открыла им дверь, Гарри снова ощутил неистовую решимость, которая двигала им последние четыре года.

Гарри прошел рядом с Роном в Большой зал, и ему не нужно было изображать удивление. Здесь так много людей, которых он считал потерянными! Дамблдор непринужденно болтает, Снег хмурится, все живы и веселы. Это было почти слишком. Всегда и вечно, думал он.

Ему отчаянно нужно было поговорить с Роном. Им предстояло многое обсудить (пророчество и то, как сообщить Джинни об изменении) и спланировать (детали розыгрыша, который они должны были устроить над Мастером Зелий). Он только надеялся, что они смогут отделиться от толпы первокурсников на достаточно долгое время, чтобы прорваться в Выручай-комнату. Без мантии-невидимки Гарри чувствовал себя почти голым.

— Поттер! — Профессор МакГонагалл уставилась на него, ее губы сжались в тонкую линию. — Я предлагаю вам позволить распределить себя!

Рон фыркнул и подтолкнул мальчика вперед.

Гарри надел Распределяющую шляпу, немного нервничая из-за реакции шляпы. Он понятия не имел, как она отреагирует. Волан-де-Морт уничтожил ее после того, как использовал, чтобы задушить Невилла Долгопупса.

Аххххх. Гарри показалось, что Шляпа вздохнула. Он почти чувствовал это в своем сознании. Это что-то... что-то сверх... уникальное. Шляпа была не особенно красноречивой, столкнувшись с чем-то, что ее удивляло. Гарри безумно хотелось рассмеяться. Более уникальное, чем пережить Смертельное проклятие в возрасте одного года? Подумал он, зная, что Шляпа услышит.

Шляпа долго молчала, дольше, чем в первый раз, и Гарри начал неловко ерзать на стуле. «Не смей отправлять меня в Слизерин», — предупредил он.

— Я должна. Я действительно должна. Я вижу в тебе хитрость, хотя и несколько другого рода, чем обычно. Амбиции, целеустремленность тоже присутствуют, даже если они направлены на то, чтобы предотвратить то, что произошло... раньше. Не говоря уже о жажде проявить себя.

— Пожалуйста. Гарри чувствовал, что упал так низко, как никогда, умоляя шляпу.

— Я думаю ты прав. — наконец пробормотала Шляпа. Все сводится к мужеству, не так ли? Не думаю, что видела подобное уже много лет.

— ГРИФФИНДОР! — крикнула Шляпа.

Гарри был слишком взволнован, чтобы заметить, что на этот раз было гораздо больше задумчивых взглядов, чем аплодирующих рук.

<http://tl.rulate.ru/book/73133/2019955>